

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

кандидата философских наук, доцента кафедры гуманитарных дисциплин философско-социологического факультета ИОН ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Ильи Геннадьевича Гурьянова на диссертацию Щукина Тимура Аркадьевича «Михаил Пселл и рецепция поздневизантийской философско-богословской традиции (Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин, Анастасий Синаит) в XI веке», представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2 – «История философии» (философские науки)

Диссертация Щукина Тимура Аркадьевича «Михаил Пселл и рецепция поздневизантийской философско-богословской традиции (Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин, Анастасий Синаит) в XI веке» посвящена реконструкции ряда философско-богословских учений наиболее видного византийского ученого и эрудита XI в. Михаила Пселла и их контекстуализации как внутри широко понимаемой православной традиции, так и в социальной ситуации интеллектуальной жизни его эпохи. В названии работы акцент сделан на «рецепции поздневизантийской философско-богословской традиции» и названо несколько ключевых имен: Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин, Анастасий Синаит — с их произведениями в тексте диссертационного исследования скрупулезно соотносятся рассуждения самого Пселла. Однако в действительности контекст рассмотрения идейных влияний на «ипата философов» в работе представлен гораздо шире: много страниц посвящено толкованию Пселлом мыслителей святоотеческого периода (прежде всего, Григория Богослова), а также его рецепции неоплатонической философии (прежде всего, Ямвлиха и Прокла) и Аристотеля (в толкованиях Иоанна Филопона, чьи богословские взгляды были осуждены как еретические). Актуальность исследования для широкого круга читателей, как резонно замечает диссертант (С. 6), в том числе и состоит в необходимости философской разработки понятия традиции, соответствующего современному уровню академических знаний о многообразии форм интеллектуального диалога между эпохами, а также о трансформациях, которые претерпевают в ходе этого процесса идеи и понятия. При чтении текста работы становится ясно, что выбор для решения этой амбициозной задачи философско-богословского наследия Пселла далеко не

случаен. В кратком историографическом обзоре периода «научных» исследований, посвященных ему (С. 8–19), диссертант справедливо отмечает, что долгое время ученые-византологи и историки философии отказывали Пселлу в оригинальности философской мысли, делая акцент на ее компилятивном и эклектичном характере и в лучшем случае видя значение его работ в «возрождении» и легитимации в православной Византии интереса к «языческой» (прежде всего, неоплатонической) учености, за которой признавалось безусловное интеллектуальное превосходство. Диссертационное исследование четко артикулирует и развивает идейный тренд, намеченный в работах Ф. Лоритцена, Д. Вальтера, В. Лурье, А. В. Ларионова, а именно: в произведениях Пселла, касающихся вопросов триадологии, христологии и ангелологии, есть новаторское философское содержание, однако выявлять его следует не на фоне «обобщенных христианской или античной философской традиций» (понимаемых абстрактно, то есть вневременным образом), а в соотношении с тем, что представляет собой исторически конкретная «богословско-философская норма» XI в. Тем самым традиция предстает перед нами как живое и динамическое целое — поле напряженного интеллектуального поиска наиболее эрудированных умов эпохи, весьма далеких от соблазна «оригинальничанья» ради скандала и эпатажа, столь свойственного современности.

Общий объем исследования вполне достаточен для диссертации по истории философии — 205 страниц. Диссертация состоит из введения, четырех глав, каждая из которых педантично разделена на две «подглавки» и выводы, заключения и списка литературы (219 источников на русском и иностранных языках). Однако при внимательном чтении нетрудно заметить, что основную часть работы можно поделить и по-другому, на две неравные по объему части: первые две главы (С. 28–80) и последние две главы (С. 81–С.176). Первая часть, по моему разумению, носит отчетливый теоретико-методологический характер и предлагает четыре (по числу подглавок) различных, но дополняющих друг друга подхода, легитимирующих рассмотрение произведений Пселла внутри проблемного поля философии (а не «чистого» богословия). Три из них (1.1, 1.2 и 2.2) представляются мне достаточно продуктивными для дальнейшей разработки, а один (2.1) — дискуссионным и, быть может, даже немного курьезным в сравнении с

остальными. Во второй же части производится реконструкция философского содержания трех богословских учений Пселла (3.1, 4.1 и 4.2) и одного космологически-онтологического (3.2) с акцентом на их оригинальности, что в полной мере соответствует пятому положению, выносимому на защиту. Работа не претендует на эксплицитное представление всего богатства философских идей изучаемого автора и даже на утверждение когерентности и непротиворечивости их использования во всем его корпусе, но намечает путь и дает легитимную методологию для дальнейших историко-философских исследований произведений Пселла (многие из которых еще только ждут своего критического издания), а также весомые основания для ее применения к другим мыслителям, тяготеющим к «большому тексту» христианской традиции. В свете последнего обстоятельства отдельно отмечу эвристическую продуктивность краткого замечания о возможности через «мировоззрение» Михаила Пселла, наконец, по-научному уяснить, что же побудило Никифора Григору в полемике с Григорием Паламой эксплицитно ссылаться на философские учения Плотина (С. 15–16).

Первая подглавка первой главы посвящена общей социально-исторической характеристике интеллектуальной ситуации XI в. с акцентом на одной ключевой концепции, уже хорошо описанной в исследовательской литературе, а именно: интеллектуальная жизнь рассматриваемой эпохи не была явлением «гомогенным», но формировалась вокруг нескольких «центров», к числу которых относится императорский двор, патриарший двор при храме Святой Софии и крупнейшие монастыри (С. 31). Внутри каждого из них складывались собственные традиции передачи знания и представления о «богословско-философской норме», эксплицитно не противопоставляющие себя друг другу, но и не тождественные между собой. Пселл принадлежал к придворной традиции или, как пишет диссертант, «дискурсивной группе» (С. 34). Для нее мнение церковного автора и даже мнение Церкви было лишь одним из мнений, а внецерковные тексты — в том числе философские — не считались априорным образом менее ценными или истинными. Таким образом, методами широко понимаемой интеллектуальной истории диссертант подводит читателя к мысли, что философское по форме и «языческое» по своим древним источникам знание не было для Пселла заведомо подчиненным дискурсу богословия (особенно в том виде, как он оформился в рассматриваемую эпоху для монашеской традиции).

Во второй подглавке автор вводит понятие «большого текста» христианской традиции, обосновывая принципы его формирования и трансформации в конкретных исторических обстоятельствах. Он конкретизирует содержания понятия придворной «философско-богословской нормы» через указание на интеллектуальные авторитеты Пселла и способы работы с доступными ему текстами. Диссертант отмечает, что для одного и того же авторитетного текста в разных дискурсивных группах могли создаваться конкурирующие интерпретации (С. 39). В этом контексте его внимание привлекает отношение Пселла к наследию Максима Исповедника — более критическое, чем в монашеской традиции, — что в конечном счете приведет к построению «ипатом философов» гносеологической модели, кратко описанной в третьем и четвертом положениях, выносимых на защиту. На конкретном текстовом материале этот тезис будет раскрыт в следующей подглавке (С. 63–67). Однако перед этим диссертант, прибегая к методам анализа дискурса, доказывает, что речь идет не о сознательном «искажении» мысли Максима Исповедника или других авторитетов (например, в силу мнимого криптоязычества Пселла), а о сформированной его интеллектуальным окружением герменевтической стратегии, имеющей внятное философское обоснование, которое, однако, не было «нормальным» для монашеской традиции.

В первой подглавке второй главы начинается более интенсивная работа диссертанта по сопоставлению фрагментов произведений Пселла с подвижным и вариативным по описанным выше принципам «большим текстом» христианской традиции. Он обосновывает, что философское новаторство исследуемого автора заключается в реабилитации мыслителем философского знания как гносеологического основания (рационального и универсального по своей форме) мировоззренческого единства «языческого» античного и христианского богословского содержания. Все это, безусловно, выглядит как весомый аргумент в пользу рассмотрения произведений Пселла именно в контексте истории философии. Однако на фоне методологически изощренного анализа первой главы несколько наивно (что не значит заведомо «неверно») смотрится доверие диссертанта к «автобиографическим» пассажам из «Хронографии», описывающим, как будущий «ипат философов» задумал возродить философское знание, пребывавшее до начала его собственных занятий в упадке (С. 45–48). Я полагаю, что, занимаясь философскими

исследованиями, нельзя забывать и о риторической составляющей византийской культуры рассматриваемого периода, особенно когда речь идет о таком эрудите, как Пселл, — писателе, в высшей степени литературоцентричном. «Нерадивые учителя», «тайные книги», «благочестивый» правитель, раздувающий «искру мудрости», — все это слишком похоже на риторические тропы, чтобы прочитывать их в «позитивистском» ключе без всестороннего соотнесения с эпистолярным наследием Пселла, независимыми от него источниками и — шире — способами построения автобиографического нарратива в позднеантичной и византийской литературе. Все это никак не отменяет обоснованности положений, выносимых на защиту, но указывает дальнейшее направление исследований (уже не историко-философских, но историко-филологических), которые могли бы лишь подкрепить или уточнить гипотезы, высказанные автором в первой части подглавки. Заключительная ее часть, посвященная сравнению герменевтических и гносеологических установок Пселла, с одной стороны, и Анастасия Синаита и Максима Исповедника, с другой, на конкретном текстовом материале обосновывает оригинальность философских взглядов первого в контексте рассматриваемой эпохи.

Вторая подглавка второй главы посвящена уточнению концепции Дэвида Дженкинса, согласно которой во всех философско-богословских рассуждениях Пселла можно увидеть одну и ту же триадическую схему: «противоположности обнаруживают свою связь в чем-то третьем» (С. 73). Примечательно, что американский исследователь обосновывает свою позицию не только с помощью сопоставительного анализа фрагментов произведений Пселла, но и ссылкой на особенности коммуникативной культуры при византийском дворе (С. 68), что вызывает ассоциации с методами интеллектуальной истории в духе «Кембриджской школы». Однако диссертант считает это объяснением, ссылающимся на «внешние факторы», в то время как достаточно указать на имманентные черты философии Пселла: ее рационализм. Я вижу здесь противоречие с духом рассуждений первой главы, которое, однако, опять же не отменяет убедительности положений, выносимых на защиту. Другим расхождением является несогласие автора с однозначным указанием Дженкинса на философию Прокла как источник триадической схемы. По моему разумению, диссертант использует этот тезис из 20-страничной статьи, скорее, как повод, чтобы показать свое

обстоятельное знание влияния Ямвлиха на философию Пселла. Полученный в конце подглавки вывод, что источником дидактической схемы является или сирийский неоплатоник, или «обобщенное учение позднего неоплатонизма» без спецификации авторов не представляется таким уж прорывным и необходимым в данной диссертации. Однако сам путь к нему, несомненно, позволяет читателю объемнее представить характер работы Пселла с философами-неоплатониками.

Третья глава состоит из двух разделов, в которых оригинальность философии Пселла в ее отношении к «философско-богословской норме» XI в. рассматривается на примере его учений о Троице и иерархии бытия. Автор отмечает двойственность триадологии Пселла, ее внутреннюю противоречивость (С. 128). Согласно его обстоятельному анализу, философские установки византийского мыслителя подталкивают его к трактовке Троицы как реальности близкой к субординированной интеллектуальной триаде неоплатонизма, однако он вынужден соотносить свои рассуждения и с «доминирующим дискурсом», что требует «минимизации» в его рассуждениях разрыва между тремя ипостасями, а также между ипостасями и общей природой. Импонирует аккуратность выводов данной главы, поскольку автор не приписывает исследуемому мыслителю большей строгости и когерентности, чем можно выявить при внимательной работе с первоисточниками. Так, например, диссертант признает, что в одних рассуждениях Пселл вводит «динамическую» терминологию Прокла для описания взаимоотношений между ипостасями, а в других рационализирует их в формальном ключе. В том же духе он исследует и особенности понимания Пселлом понятий «сущность» и «природа». Декларируя свое следование модели Иоанна Дамаскина, в которой сущность и природа оказываются синонимичными терминами, Пселл де-факто отвергает их тождество: сущность относится к реальности высших сфер иерархии, природа — к космическому, материальному бытию (в чем прослеживается влияние словоупотребления Аристотеля).

Четвертая глава диссертации состоит из двух разделов, в которых речь идет о трансформации Пселлом византийской богословско-философской традиции применительно к учениям о боговоплощении, о душе и ангельском мире. Историко-философская реконструкция данных концепций опирается на уже проделанную работу по исследованию понятий сущности и природы, а

также на общие характеристики гносеологии Пселла — ее методический рационализм и стремление к универсализации используемых формальных схем рассуждения. Диссертант в духе классической истории идей убедительно показывает, что Пселл не разделял аристотелевское учение о пятом элементе, рассматривая эфир как промежуточное звено между небом и другими элементами. В теологической системе византийского мыслителя ангелы являются нематериальными существами, лишенными всякой телесности, в том числе и эфирной, и поэтому даже самая совершенная человеческая душа не может прийти с ними в единство — это представление было характерно для монашеской традиции XI в.

Наряду с несомненными достоинствами работа имеет и ряд недостатков.

1) Во введении раздел, посвященный теоретико-методологическим основам исследования, представляется слишком кратким и не вполне адекватным действительно новаторским положениям, выносимым на защиту. Брошенная вскользь ссылка на творцов двух разных историософских систем, Гегеля и Шпенглера, не только не получает конкретной понятийной разработки, но и, пожалуй, противоречит рассуждениям с применением инструментария гуманитарных наук после «лингвистического поворота»: анализа дискурса, исторической контекстуализации понятий, рецептивной эстетики и др. Более эксплицитная рефлексия над методологией разных привлекаемых диссертантом исследований византийской мысли могла бы позволить ему более аккуратно и убедительно ввести понятие «большого текста» византийской богословско-философской традиции. Высказанный на С. 35 тезис, что до XI в. византийская интеллектуальная культура занималась «простым собиранием знаний» (в придворной и монашеской традициях), а начиная с Пселла началось ее «творческое развитие», быть может, и звучит красиво, но самым глубинным образом противоречит теоретическим горизонтам введенного нового понятия. И это не единичная небрежность.

2) В названиях глав и разделов вынесены довольно обязывающие понятия «ревизия» и «реформация», в то время как в тексте исследования с большей убедительностью говорится о трансформации традиции и оригинальности, выстраиваемой в интеллектуальном диалоге с «подвижной» системой авторитетов.

3) Немногочисленные опечатки и небрежности (С. 27, 73, 123, 125, 161).

Диссертация, безусловно, вносит вклад в академическое знание об истории философии в Византии, отличается новизной, а также ясным и аргументированным изложением авторской позиции. Очевидно отменное владение диссертантом как исследовательской литературой по теме на русском и основных европейских языках, так и античными и византийскими первоисточниками. Автореферат и публикации автора вполне адекватно отражают основное содержание диссертации, включая и положения, выносимые на защиту. Обобщая приведенную выше экспертизу, считаю, что кандидатская диссертация Щукина Тимура Аркадьевича «Михаил Пселл и рецепция поздневизантийской философско-богословской традиции (Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин, Анастасий Синаит) в XI веке» всецело соответствует требованиям п.п. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автору следует присвоить степень кандидата философских наук по специальности 5.7.2 — «История философии» (философские науки).

Кандидат философских наук,

доцент кафедры гуманитарных

дисциплин философско-социологического

факультета ИОН ФГБОУ ВО «РАНХиГС»

Гурьянов Илья Геннадьевич

Дата: «22» февраля 2024 года

119571, г. Москва, пркт. Вернадского,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»

Email: guryanov-ig@ranepa.ru

ЗАВЕРЯЮ
УЧЁНЫМ СЕКРЕТАРЬ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО
ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
К. К. БОНДАРЕВ